

0719541-1

КАЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Космач Анастасия Алексеевна

**СУБСТАНТИВЫ С ЭМОЦИОНАЛЬНО-
ЭКСПРЕССИВНЫМИ СУФФИКСАМИ В ПОЭЗИИ
ЯНКИ КУПАЛЫ И РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ
(на материале образований с суффиксом –к- и его
производными)**

10.02.01 – русский язык

10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Казань 2000

Диссертация выполнена на кафедре современного русского языка Казанского государственного университета.

Научный руководитель – доктор филологических наук,
профессор Э.А.Балалыкина

Официальные оппоненты – доктор филологических наук,
профессор Л.И.Донецких
кандидат филологических наук,
доцент Л.И.Тимофеева

Ведущая организация - Чувашский государственный
университет

Защита состоится «4» декабря 2000 года в 13 часов на заседании диссертационного совета Д 053.29.13 по присуждению ученой степени доктора филологических наук в Казанском государственном университете (420008, г.Казань, ул.Кремлевская, 18).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И.Лобачевского Казанского государственного университета.

Автореферат разослан «_____» ноября 2000 г. НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000596772

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент *В.С.Дмитриева*

Генетическое родство славянских языков, их постоянное взаимодействие обусловили общность тенденций развития языковых систем, что проявляется и на уровне словообразования. Однако сохраняя во многом сам характер словообразовательных отношений, славянские языки по-разному реализовали систему связей, унаследованных из праславянской эпохи. Языковые факты одного языка могут быть более глубоко поняты и раскрыты, если рассматриваются в сопоставлении с соответствующими фактами другого языка. С этой точки зрения сопоставительное изучение словообразования близкородственных языков приобретает особое значение.

Объектом настоящего исследования являются отсубстантивные существительные с эмоционально-экспрессивными суффиксами, содержащими структурный элемент *-к-*, в произведениях белорусского поэта Янки Купалы и их отображение в переводах.

Предметом исследования являются особенности функционирования существительных с эмоционально-экспрессивными суффиксами, содержащими структурный элемент *-к-*. Суффикс *-к-* представляет собой один из наиболее архаичных и в то же время наиболее активных элементов словообразовательных систем как русского, так и белорусского языков, в связи с чем исследование словообразовательных средств, содержащих данный компонент, позволяет выявить наиболее объективную и полную картину сложившихся функциональных особенностей.

Многие исследователи (В.А.Богородицкий, В.В.Виноградов, З.А.Потиха, Е.А.Земская и др.) отмечают многообразие смысловых оттенков, приносимых в слово эмоционально-экспрессивными суффиксами. Их описание основано на теории коннотации. Вопросы коннотативной реализации эмоционально-экспрессивных образований затрагивались в работах И.А.Стернина, В.И.Шаховского, А.М.Родимкиной, В.Н.Телия и др. Работы по сопоставительному исследованию коннотации эмоционально-экспрессивных существительных в русском и белорусском языках крайне немногочисленны (П.М.Чайкун, М.П.Карпович).

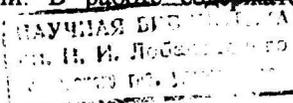
В работе принято широкое толкование коннотации. Исследуемый материал анализируется с точки зрения наличия (или отсутствия) в нем эмоционального, оценочного, экспрессивного, стилистического и культурологического коннотативных компонентов. Под

культурологическим компонентом понимается национально обусловленная ассоциативная информация.

Обращает на себя внимание неразработанность теоретических вопросов, касающихся перевода с родственных славянских языков, в связи с чем основой для анализа русских текстов послужила концепция А.В.Федорова, согласно которой перевод является адекватным при передаче индивидуального своеобразия подлинника с учетом всех его особенностей. Адекватность достигается с помощью функционально эквивалентных языковых средств.

Актуальность исследования. Представляет особый интерес выявление особенностей функционирования производных эмоционально-экспрессивных существительных в тексте. Текстовая реализация способствует определению функционально значимых признаков исследуемого явления. Рассмотрение отсубстантивных образований на материале поэзии Янки Купалы, являющегося одним из основоположников белорусского литературного языка, позволяет сделать определенные выводы об особенностях функционирования исследуемых существительных в языке в целом. С точки зрения особенностей белорусского языка, формировавшегося на народно-диалектной основе, исследуемое словообразовательное явление приобретает знаковый характер. В этой связи вызывает интерес выявление функциональных особенностей эмоционально-экспрессивных аффиксов в свете предшествующей историко-культурной традиции и их индивидуально-авторское отображение. Сопоставительное исследование оригинальных текстов и русских переводов способствует определению специфических черт данного словообразовательного явления в каждом из языков. Представляет интерес изучение особенностей коннотативной реализации с точки зрения национальной обусловленности. Актуальным является рассмотрение исследуемой проблемы в русле достижения адекватности при переводе с близкородственного славянского языка.

Новизна исследования. В работе впервые рассматриваются особенности функционирования субстантивов с эмоционально-экспрессивными суффиксами в языке произведений Янки Купалы. Впервые определяются и подробно описываются эмоционально-экспрессивные форманты, осложняющие производящие основы в оригинальных текстах и переводах; выявляются все варианты переводческих соответствий. В работе содержатся рекомендации по

способам достижения эквивалентности исследуемых белорусских образований при переводе на русский язык.

Целью исследования является определение функциональных сходств и различий отсубстантивных существительных с эмоционально-экспрессивными суффиксами, содержащими структурный элемент *-к-*, в оригинальных текстах и русских переводах. В соответствии с целью нами поставлены следующие практические задачи:

- Обосновать взаимосвязь между индивидуально-авторским использованием языковых ресурсов и языковой традицией в целом.
- Определить особенности лексического состава производных образований.
- Охарактеризовать семантическую структуру эмоционально-экспрессивных существительных.
- Установить состав эмоционально-экспрессивных формантов в белорусских текстах, дать количественные характеристики исследуемым аффиксам.
- Выявить функциональные особенности данных производных форм в белорусских текстах.
- Описать различные варианты переводческих соответствий; объяснить причины расхождений.
- Представить основные способы достижения эквивалентности субстантивов с эмоционально-экспрессивными формантами при переводе на русский язык.
- Изучить функциональные особенности поэтического текста, связанные с индивидуально-авторской установкой переводчика.
- Сопоставить характер использования исследуемых существительных в разные периоды творчества белорусского поэта.

Источники. Для решения поставленных задач был использован разнообразный материал. Основным источником оригинальных текстов является наиболее полное на сегодняшний день издание произведений белорусского поэта в семи томах (Купала Я. Збор твораў. – Мн., 1972-1976). Основным источником переводов является Собрание сочинений Янки Купалы, включающее три тома (Купала Я. Собрание сочинений. – М., 1982). Данное издание представляет собой самый большой сборник русских переводов произведений белорусского поэта. При изучении авторской манеры конкретных переводчиков и сопоставлении двух переводов одного белорусского

стихотворения привлекались другие сборники русских текстов произведений Янки Купалы. При изучении функциональных особенностей исследуемых существительных используются разножанровые словари: толковые, переводные, грамматические (белорусского и русского языков).

Разноплановость задач, поставленных в работе, обусловила необходимость использования различных **методов исследования**. Для описания характеристик исследуемых производных существительных в оригинальных и переводных текстах применен описательный метод. При сопоставлении языковых фактов родственных языковых систем используется сравнительно-типологический метод. Метод компонентного анализа применяется для выявления и дифференциации составляющих элементов коннотации. Контрастивный метод способствует определению различий исследуемых производных существительных в белорусском и русском языках. Статистический метод дает возможность выявить количественные показатели употребительности образований с эмоционально-экспрессивными формантами. Контекстологический метод позволяет определить контекстуальные особенности функционирования исследуемых форм в белорусских текстах и переводах.

Научно-теоретическая и практическая значимость работы определяется тем, что она вносит определенный вклад в разработку основных положений теории перевода с близкородственных языков; указывает не только на функциональные особенности исследуемых образований, но и предлагает возможные варианты достижения переводческой эквивалентности. Результаты исследования могут быть использованы в теории и практике перевода с белорусского языка. Полученные результаты могут иметь собственно лингвистическое применение при описании особенностей функционирования эмоционально-экспрессивных существительных в белорусском языке, а также при сопоставительном исследовании данного явления в русском и белорусском языках. Выводы и материалы диссертации могут быть использованы в специальных курсах по сопоставительному словообразованию. Результаты исследования могут быть учтены при подготовке учебных пособий по актуальным проблемам сопоставительного словообразования.

Апробация работы. Основные положения диссертационной работы докладывались на международной юбилейной конференции,

посвященной 200-летию со дня рождения А.С.Пушкина, "Пушкинские чтения" (Москва, 2 июня 1999г.), на региональной научной конференции "Славянские чтения" (Чебоксары, апрель 2000 г.), на итоговых научных конференциях Казанского государственного университета в 1998-2000 годах. Диссертация обсуждалась на кафедре современного русского языка КГУ.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии, перечня источников и списка принятых в работе сокращений.

Содержание работы.

Во *Введении* обосновывается актуальность темы исследования, мотивируется выбор объекта изучения, определяются цель и задачи работы, методы анализа материала, указывается круг источников, отмечается научная новизна диссертации, устанавливается теоретическая и практическая значимость исследования.

Первая глава "Субстантивы с эмоционально-экспрессивными суффиксами первой ступени", состоящая из трех частей, посвящена рассмотрению функциональных особенностей производных образований с формантами первой ступени в белорусских текстах и их отображению в переводах.

В §1. "*Наименования предмета*" рассматриваются функциональные особенности оригинальных эмоционально-экспрессивных образований, обозначающих наименования предмета, и их отображение в переводах.

Существительные с формантами *-к/-к-*; *-ок (-ек, -ак)/-ок (-ек)*; *-ик/-ик* рассматриваются в одной группе, поскольку принадлежат к суффиксам первой ступени образования и характеризуются сходством функциональных характеристик. Образования с данными суффиксами являются наиболее распространенными как в оригинальных текстах, так и в переводах. В белорусских произведениях зафиксировано 167 разовых словоупотреблений форм с данными аффиксами, в русских текстах – 83. Таким образом, в оригинале исследуемых существительных приблизительно в два раза больше, чем в переводах. Активное использование существительных с эмоционально-экспрессивными суффиксами является индивидуально-авторским приемом, однако он обусловлен объективно существующими закономерностями языковой системы, впитавшей в себя народно-разговорные и диалектные элементы. Именно благодаря дан-

ным особенностям оказалось возможным функционирование подобного обилия эмоционально-экспрессивных форм в оригинале.

Особенностями тематики определяется и основной пласт лексики белорусских текстов, так или иначе связанный с жизнью и бытом белорусского крестьянства. Образная система автора построена на конкретных деталях, бытовых подробностях, в связи с чем в лексическом инвентаре поэта наряду с формами, обозначающими явления и реалии природы (*рэчка, траўка, лясок*), часто используются существительные, относящиеся к сельскохозяйственной лексике (*саломка, каласкі, сошка*).

Лексика, связанная с хозяйственной деятельностью человека на земле, является наиболее древней и имеет общеславянский характер, чем во многом обусловлено сходство денотативной реализации существительных в родственных славянских языках. В условиях художественного текста в производных образованиях актуализируется прежде всего коннотативная семантика.

Большинству производных существительных в белорусских текстах присущ эмоциональный оттенок ласкательности и положительная оценочность, поскольку данные категории взаимосвязаны и взаимообусловлены в контекстной реализации. Многие из исследуемых образований имеют выраженную народно-разговорную окраску. Степень экспрессивности существительных зависит от частотности и привычности употребления. Также в производных формах зачастую ярко выражен культурологический компонент коннотации. Информация, заложенная в образованиях с эмоционально-экспрессивными формантами, необычайно важна для осмысления особенностей творчества белорусского поэта, а также национально-исторического и культурологического контекста произведений, что требует от переводчиков адекватного отображения данных языковых элементов.

60 белорусских образований имеют звуковые соответствия в русских текстах, что в большинстве случаев объясняется сходством семантико-стилистической реализации данных производных существительных в обоих языках: (бел.) *траўка* – (рус.) *травка*; (бел.) *рэчка* – (рус.) *речка*; (бел.) *бярозка* – (рус.) *березка*. Данный переводческий прием обусловлен самим характером языкового родства.

Однако языковая близость зачастую подвигает переводчика к использованию звуковых соответствий, которые характеризуются

иными функциональными характеристиками по сравнению с оригинальными образованиями:

<i>Жніце, жніце, галубкі,</i>	<i>Жните, жните, голубки,</i>
<i>Сваю радасць і слёзы!</i>	<i>Свою радость и слезы!</i>
<i>Трэба многа нажсаці –</i>	<i>Вам нажать надо много,</i>
<i>Прыйдзе зімка, морозы...</i>	<i>Придет зимка, морозы.</i>

В белорусском языке образование *зімка* фиксируется в словах как ласкательное по отношению к существительному *зіма*. В русском языке по отношению к данной производящей основе функционирует форма *зимушка* с формантом второй ступени *-ушк*¹. В данных аффиксах, сформировавшихся в более поздний исторический период, дополнительные смысловые оттенки, придаваемые производному образованию, проявляются более отчетливо и не требуют дополнительных средств актуализации. Исследователи отмечают: "Присоединяясь к отвлеченным именам, уменьшительные суффиксы служат выражению пренебрежительного отношения к тому, что обозначено словом с уменьшительным суффиксом"². Данное положение особенно актуально в отношении суффиксов первой ступени. Вследствие отсутствия контекстной актуализации дополнительных смысловых оттенков в русском тексте коннотативная нагрузка слова *зимка* не ясна.

Однако русские стихотворения не могут воспринять всех эмоционально-экспрессивных образований, присутствующих в оригинале. В результате значительное число форм переводится одноосновными непроезными существительными: (бел.) *старонка* – (рус.) *сторона*; (бел.) *хатка* – (рус.) *хата*; (бел.) *ночка* – (рус.) *ночь*. При данном варианте перевода в русских текстах отсутствует семантико-стилистический потенциал форманта, что снижает степень адекватности перевода, поскольку именно дополнительные смысловые оттенки, привносимые эмоционально-экспрессивным суффиксом, являются доминирующими в идейно-художественном осмыслении творчества поэта.

В некоторых случаях переводчики предпринимают попытки восполнения экспрессивной нагрузки за счет определений, исполь-

¹ Белорусско-русский словарь. – М.: Госиздат иностр. и нац. словарей, 1962. – С.337

² Виноградова В.Н. Стилистика русского словообразования. – Frankfurt am Main etc.: Lang, 1992. – С.139.

зуемых по отношению к неизменяемым существительным: (бел.) *ночка* – (рус.) *бессонная ночь*; (бел.) *хатка* – (рус.) *ветхая хата*. Однако при подобном варианте перевода в русском тексте отсутствует семантика ласкательности, а также определенная стилистическая маркированность, свойственная оригинальным производным образованиям.

В белорусском языке исследуемые словообразовательные средства являются более мобильными и обладают повышенной валентной способностью, в связи с чем они осложняют производящие основы не только с конкретной, но и абстрактной семантикой. Для русского языка данная особенность не характерна, в результате чего перевод описанных существительных на русский язык вызывает определенные трудности:

<i>Падчас вясной заблудзіць</i>	<i>Порою птушкі пронесутся,</i>
<i>птушка,</i>	<i>Рассыпліў свой веселы</i>
<i>Зазвоніць песенькай</i>	<i>звон.</i>
<i>сваей,</i>	<i>Но только мертвым</i>
<i>Павесялее спяча душка</i>	<i>не проснуться,</i>
<i>Ды знаў засне яшчэ</i>	<i>Но крепко их могильный</i>
<i>мацней.</i>	<i>сон!</i>

Функционирование данного слова в белорусском языке лишь один раз доказывает мобильность и активность эмоционально-экспрессивных средств его словообразовательной системы: одна и та же семантическая наполненность в белорусском языке допускает наличие производного образования, а в русском языке – не допускает.

Активность исследуемых словообразовательных средств белорусского языка проявляется также в том, что они осложняют производящие основы, характеризующиеся семантикой, не располагающей к использованию эмоционально-экспрессивных формантов: (бел.) *крыжыкі* – (рус.) *кресты*; (бел.) *кандалікі* – (рус.) *оковы*. Переводчики в подобных случаях используют неизменяемые формы, которые не передают эмоционально-экспрессивной наполненности и особенностей стилистической реализации исследуемых оригинальных образований.

Достаточно часто несоответствия в текстах оригинала и перевода касаются не только наличия или отсутствия форманта в русском существительном, но и общего характера лексики, имеющей в

переводах книжный характер в противоположность оригиналу, лексический состав которого ориентирован на народно-разговорную сферу:

<i>І шумяць <u>сасонкі</u></i>	<i>Расшумелісь сосны,</i>
<i>Мужычку над вухам:</i>	<i>Будто молвят шумом:</i>
<i>Кінь смутныя <u>думкі</u>,</i>	<i>"Отгони тревогу,</i>
<i>Кінь ды будзь ты зухам.</i>	<i>Брось ты эти думы".</i>

Некоторые русские авторы творчески переосмысливают белорусский текст, используя обороты, в состав которых входит более абстрактная книжная лексика: (бел.) *хатка* – (рус.) *заботы*; (бел.) *дарожкі* – (рус.) *простор*; (бел.) *ночка* – (рус.) *тьма*... Таким способом реализуется установка на собственную художественную значимость переводных текстов, однако национально-культурный колорит и особенности авторского стиля не отражены в переводе.

§2. "*Наименования лица*" посвящен выявлению функциональных особенностей эмоционально-экспрессивных образований в сфере личных номинаций.

В белорусских текстах достаточно активно используются эмоционально-экспрессивные существительные, обозначающие наименования лица. Как правило, они характеризуют родственные отношения или социальное положение человека. Эмоционально-экспрессивные субстантивы также более распространены в оригинальных текстах, чем в переводах (соотношение 26/17). Наиболее употребительные существительные: *сіротка(і)*, *мужычок*, *дзеткі*. Данные производные формы характеризуются сходством семантико-стилистической реализации в обоих языках, что позволяет переводчикам использовать в русских текстах звуковые соответствия.

Стремясь воссоздать художественное своеобразие подлинника, а также передать национально-культурный колорит, авторы русских текстов зачастую используют в переводах звуковые соответствия, которые, однако, имеют в языке перевода иные функциональные характеристики. Например, существительное *жонка* в белорусском языке является стилистически нейтральным и переводится

словом *жена*¹. В русском языке образование *женка* является просторечным²:

*Не хачу я жонкі
Не з сваёй старонкі,
Як я – багацейшай,
І як я – мудрэйшай.*

*Из чужой сторонки
Не возьму я женки,
Что меня богаче.
Я женюсь иначе.*

Русская производная форма не эквивалентна белорусскому нейтральному существительному, поскольку формант вносит в семантику образования дополнительные коннотативные оттенки, отсутствующие в оригинале. Однако подобный вариант перевода повышает степень адекватности русского текста, так как является созвучным общей стилистической тональности белорусских произведений.

Для воссоздания национально-культурного колорита переводчики иногда используют белорусские языковые элементы, не характерные для лексической системы русского языка: (бел.) *дзяўчынка* – (рус.) *девчинка*; (бел.) *панок* – (рус.) *панок*.

Осознавая значимость адекватной передачи в русских стихотворениях эмоционально-экспрессивной наполненности оригинала, многие переводчики стремятся к максимально полному отображению исследуемых образований. Зачастую в переводе используются существительные с иным эмоционально-экспрессивным формантом, что может быть вызвано внешними объективными причинами, связанными с требованиями ритмической структуры стихотворения: (бел.) *сіротка* – (рус.) *сиротинка*, а также нефункциональностью оригинального существительного в русском языке: (бел.) *сватка* – (рус.) *сваточек*. Подобные трансформации способствуют достаточно полной передаче общих коннотативных установок исследуемых форм, что повышает адекватность перевода в целом.

§3. "*Наименования животных*" посвящен выявлению функциональных особенностей производных эмоционально-экспрессивных существительных в сфере наименования животных. Данные производные эмоционально-экспрессивные образования достаточно частотны в произведениях Янки Купалы. Наиболее

¹ Белорусско-русский словарь. – М.: Госиздат иностр. и нац. словарей, 1962. – С.267.

² Словарь русского языка: В 4-х т. – М.: Госиздат иностр. и нац. словарей, 1957. – Т.1. – С.652.

употребительными являются наименования животных, используемых в сельском хозяйстве: *кароўка, кабылка...* В оригинальных текстах исследуемых форм больше, чем в переводах (соотношение 26/14). Самым частотным является соответствие (бел.) *кароўка* – (рус.) *коровка*. Русское существительное представляет собой семантико-стилистический эквивалент белорусскому образованию. Также сходством функциональных параметров характеризуются соответствия: (бел.) *пчолка* – (рус.) *пчелка*; (бел.) *рыбка* – (рус.) *рыбка*.

Стремясь к адекватной передаче художественного своеобразия оригинальных текстов, переводчики используют существительные, которые при фонетической близости несколько различаются в функциональных характеристиках в родственных языках: (бел.) *салавейка* – (рус.) *соловейка*; (бел.) *верабейка* – (рус.) *воробейка*.

Зачастую с ориентацией на книжную образность связано использование в переводе непроизводного существительного: (бел.) *салавейка* – (рус.) *соловей*, (бел.) *пчолкі* – (рус.) *пчелы*. При подобном варианте перевода коннотативная нагрузка белорусского образования не отражается в русском тексте, что снижает степень его адекватности. Однако иногда отсутствие производной формы в переводе связано с ее нефункциональностью в русском языке: (бел.) *волікі* – (рус.) *вол*.

Во второй главе "*Эмоционально-экспрессивные субстантивы с суффиксами второй ступени*", состоящей из трех частей, исследуются оригинальные суффиксальные образования, осложненные суффиксами второй ступени, и их отображение в переводах.

В §1. "*Наименования предмета*" рассматриваются функциональные особенности эмоционально-экспрессивных существительных с суффиксами второй ступени в сфере предметных наименований.

Аффиксы второй ступени сформировались в более поздний исторический период по сравнению с аффиксами первой ступени, в связи с чем в их функционировании в обоих языках наблюдается больше различий. Они касаются как самого инвентаря формантов, так и степени продуктивности и распространенности совпадающих словообразовательных типов.

По отношению к наименованиям предмета наибольшее число образований осложнено суффиксами *-ачк-* *-очк-* как в белорусских текстах, так и в переводах (соотношение 26/12). Академические ха-

рактические данного словообразовательного типа характеризуются сходством в обоих языках.

Подобная близость позволяет переводчикам использовать звуковые соответствия исследуемым образованиям, многие из которых представляют собой семантико-стилистические эквиваленты: (бел.) *лясочак* – (рус.) *лесочек*; (бел.) *садочак* – (рус.) *садочек*. Основным коннотативным оттенком данных существительных является ласкательность. Формы характеризуются также определенной стилистической маркированностью, а степень их экспрессивности зависит от частотности употребления.

Наряду с функциональным сходством по отношению к исследуемым образованиям зафиксировано определенное количество различий. В белорусских текстах формант *-ачк-* (*-очак*) присоединяется не только к основам с конкретной семантикой (*хатачка*, *сярпчак*), но и к абстрактным существительным (*праўдачка*, *свабодачка*), что говорит о большей валентной способности суффикса в белорусском языке.

Адекватная передача в переводе производных образований с абстрактной семантикой вызывает определенные затруднения у авторов русских текстов: (бел.) *свабодачка* – (рус.) *вольные дни*; (бел.) *праўдачка* – (рус.) *зорька правды*. Белорусские существительные характеризуются не только повышенной экспрессивностью, но и необычайно ярко выраженным культурологическим компонентом коннотации. В переводах данные смысловые особенности производных форм не отображены, что существенно снижает степень адекватности русских текстов:

Няхай тыя уставаюць

Рана да зары,

Што свабодачку кахаюць! –

А ты, браце, спі!..

Люди труд свой начинают

Выйдя до зари,

И о вольных днях

мечтают,

Ты же, братец, спи!

Белорусскому образованию *свабодачка* соответствует в данном примере словосочетание *вольные дни*. В тексте оригинала существительное *свабодачка* несет смыслообразующую нагрузку. Суффикс *-ачк-* придает абстрактному существительному ласкательный оттенок, вследствие чего оно приобретает и положительную “личностную” характеристику. Создается овеянный желанным образ свободы, являющийся основным в творчестве белорусского поэта.

Таким образом, с помощью словообразовательной системы Янка Купала наиболее емко выражает смысловую наполненность образа. Благодаря нестандартности сочетания данной производящей основы и форманта, полученное образование характеризуется высокой степенью экспрессии. В исследуемой форме ярко выражен культурологический компонент коннотации, проявляющийся вследствие присоединению форманта к данной основе. Таким образом, в производном существительном заключен мощный национально обусловленный смысловой потенциал, стоящий за внешней звуковой оболочкой существительного. Русский перевод не передает данных особенностей оригинала. Словосочетание *вольные дни* заключает мысль о свободе, однако не отражает эмоционально-экспрессивной наполненности оригинальной формы.

В русских текстах зафиксировано 7 существительных с безударным суффиксом *-ушк-*. В белорусском литературном языке описываемый словообразовательный тип не функционирует. Его наличие в диалектах объясняется влиянием русского языка. Образования с формантом *-ушк-* используются в тех случаях, когда белорусские производные существительные не характерны для русского языка: (бел.) *думачкі* – (рус.) *думушки*; (бел.) *хлебачек*– (рус.) *хлебушек*. Субстантивы с суффиксом *-ушк-* свойственны русской фольклорной традиции. В них ярко проявляется культурологический компонент коннотации. Данные особенности соответствуют общей направленности белорусских текстов, в связи с чем использование производных образований с суффиксом *-ушк-* способствует осмыслению текста русским читателем.

Несколько существительных в русских стихотворениях осложнены ударным суффиксом *-ушк-*, который характеризуется уменьшительно-ласкательной или уменьшительно-уничижительной семантикой. В белорусском языке этот словообразовательный тип также функционирует, однако в произведениях Янки Купалы в сфере предметных номинаций он не представлен. Использование в русских текстах существительных с данным аффиксом обусловлено национально выраженной оформленностью белорусских основ: (бел.) *вёска* – (рус.) *деревушка*; (бел.) *хацінка* – (рус.) *избушка*.

В сфере наименований предмета в переводах зафиксировано 8 образований с формантом *-ишк-(-ышк-)*. В белорусском языке данный словообразовательный тип не функционирует. Производные

формы в русских текстах характеризуются в основном конкретной семантикой: *дровишки, лаптишки, гнездышко*... Самым распространенным является образование *солнышко*, которому в оригинале соответствует как непроизводное существительное *сонца*, так и производное существительное *сонейка*. Использование в переводе суффиксального образования по отношению к соответствующему непроизводному одноосновному существительному оригинала зачастую связано с требованиями ритмики русского стихотворения, а также с желанием переводчика восполнить эмоционально-экспрессивный фон произведения.

Производные существительные с суффиксом *-ёнк-* функционируют как в белорусских, так и в русских текстах (соотношение 8/1). Однако необходимо отметить, что в белорусском литературном языке данный словообразовательный тип не зафиксирован. Единичное белорусское образование *кашулёнкі* объясняется, вероятно, влиянием русского языка.

Основным эмоциональным оттенком русских форм является уничижительность: *избенка, рубашонка, шубенка*... Однако актуализация данной семантики в русском тексте не всегда соответствует оригиналу, в котором выражена ласкательность:

<i>Трэба нам, трэба, як</i>	<i>сонца з неба,</i>	<i>Нам бы и мне бы, как</i>	<i>солнца с неба,</i>
<i>Летшы, даўжэйшы зямелькі</i>	<i>шнурок,</i>	<i>Лучшей земельки длинный</i>	<i>шнурок,</i>
<i>Сытай скацінкі, новай <u>хацінкі</u></i>		<i>Сытой коровы, <u>хатенки</u></i>	
<i>Каб красаваўся пры хатцы</i>	<i>садок.</i>	<i>Чтоб красовался у хаты</i>	<i>садок.</i>

В данном случае выбор переводчика обусловлен, вероятно, внешним звуковым сходством соответствующих существительных, что позволяет сохранить структуру оригинала. В белорусском образовании ярко проявляется семантика ласкательности. Речь идет о мечте - новом желанном доме. В русской форме *хатенка*, несмотря на контекст, выражена уничижительность. Переводное образование не эквивалентно оригинальному.

Существительные с аффиксом *-аньк-/ -оньк-* функционируют как в белорусских, так и в русских текстах (соотношение 8/4). Основным эмоциональным оттенком, придаваемым аффиксом в обоих

языках, является ласкательность. Функциональное сходство способствует достижению семантико-стилистической эквивалентности: (бел.) *ночанька* – (рус.) *ноченька*.

Образования с суффиксом *-инк(a)* зафиксированы и в белорусских, и в русских текстах (соотношение 4/2). Существительные с данным формантом более распространены в белорусском языке. Чаще всего в оригинальных стихотворениях встречается ласкательное существительное *хацінка*, в котором ярко выражен культурологический компонент коннотации. В абсолютном большинстве случаев при отображении данной формы в переводах эквивалентности не достигается: (бел.) *хацінка* – (рус.) *хата, хаты, дом...*

Производные существительные с суффиксом *-ейк-* достаточно часто встречаются в произведениях белорусского поэта. Формант характеризуется в белорусском языке ярко выраженной ласкательностью. Он придает производному образованию мягкость и народно-поэтическую образность: *сонейка, сердцайка, шчасцейка*. В эмоционально-экспрессивных существительных с данным аффиксом ярко проявляется культурологический компонент коннотации.

В русском языке эмоционально-экспрессивные существительные с суффиксом *-ейк-* являются единичными: *шубейка*. В переводах произведений Янки Купалы данные образования не представлены. В оригинале самым частотным является форма *сонейка*.

Перевод данных слов вызывает определенные затруднения у авторов русских текстов. По отношению к отдельным существительным используются достаточно удачные суффиксальные соответствия: (бел.) *сонейка* – (рус.) *солнышко*; (бел.) *сэрцайка* – (рус.) *сердечко*.

При функционировании в переводе непроемного исходного существительного степень адекватности снижается, поскольку производные белорусские образования характеризуются необычайной коннотативной насыщенностью. Определения, используемые по отношению к русскому непроемному существительному, усиливают общую выразительность стихотворения, однако не восполняют смысловых оттенков, привносимых формантом: (бел.) *сэрцайка* – (рус.) *сердце бедное*:

*Гэй, ты, сэрцайка,
Не тужы, замры!*

*Сердце бедное,
Не грусти, замри.*

В некоторых случаях трудности при переводе вызывает не только отображение суффикса, но и производящей основы, не имеющей прямого соответствия в русском языке: (бел.) *гонейка*.

Несколько существительных в белорусских текстах осложнены суффиксом *-чык*, который характеризуется теми же функциональными особенностями, что и суффикс *-ік*. Большинство данных существительных имеют близкие семантико-стилистические соответствия в русских текстах: (бел.) *вузельчык* – (рус.) *узелок*; (бел.) *хлеўчык* – (рус.) *хлевок*.

Единичностью употребления характеризуется белорусский формант *-ыск-*, отличающийся выраженной народно-разговорной принадлежностью: (бел.) *вятрыска*.

§2. "*Наименования лица*" посвящен исследованию производных существительных с эмоционально-экспрессивными формантами в сфере наименований лица.

Производные эмоционально-экспрессивные образования, обозначающие наименования лица, характеризуются меньшей численностью, чем предметные наименования.

Наиболее распространены как в белорусских, так и в русских текстах существительные с суффиксом *-ачк-/оцк-* (соотношение 9/5). Многие образования с данным аффиксом имеют звуковые соответствия в переводах: (бел.) *сыночак* – (рус.) *сыночек*; (бел.) *паночак* – (рус.) *паночек*, что повышает степень адекватности русского текста, поскольку аффиксы привносят в производящую основу сходную коннотативную информацию.

Если белорусским образованиям соответствуют существительные с формантами первой ступени, то это снижает экспрессию русского слова: (бел.) *сыночак* – (рус.) *сын*ок.

По отношению к наименованиям лица в русских текстах зафиксировано 3 существительных с формантом *-ишк-*. В этих словах заключена ласкательная семантика, соответствующая смысловой наполненности белорусских текстов: (бел.) *дзеткі* – (рус.) *ребятишки*.

Безударный суффикс *-ишк-* представлен единичным русским образованием *кумушки* в связи с тем, что звуковое соответствие белорусской формы *кумки* не функционирует в русском языке.

Единственным производным образованием с суффиксом *-інк-/инк-* и в белорусских, и в русских текстах является существи-

тельное *сірацінка* (*сиротинка*), характеризующееся выраженной ласкательностью.

И в белорусских, и в русских текстах встречается образование *дзіцятка* (*дитяtko*). Однако в отличие от переводов, в оригинальных текстах отмечено 8 употреблений. Русское существительное является семантико-стилистическим эквивалентом белорусскому. Однако в большинстве случаев переводчики используют иные слова (*сын, мальчишка, дети*), которые не соответствуют по своим функциональным характеристикам оригинальному существительному.

Незначительное число образований в белорусских текстах осложнено суффиксом *-аньк- /-оньк-* (соотношение 1/2). Существительные характеризуются выраженной ласкательностью в обоих языках.

В белорусских текстах зафиксировано 3 образования с суффиксом *-ульк-*, обладающих ласкательностью и народно-разговорной маркированностью: (бел.) *сынулька* – (рус.) *сыночек*. В русских текстах данные формы не отражены.

Ударный суффикс *-ушк-* представлен белорусским единичным образованием *дачушка*, имеющим в русском тексте соответствие *дочка*, которое характеризуется меньшей степенью ласкательности.

§3. "Наименования животных" посвящен исследованию эмоционально-экспрессивных существительных, относящихся к наименованиям животных.

Наименования животных с суффиксами второй ступени представлены как в оригинальных текстах, так и в переводах несколькими образованиями (соотношение 6/2). В большинстве случаев это ласкательные наименования животных, используемых в сельском хозяйстве: (бел.) *козачка* – (рус.) *козочка*. Обращает на себя внимание неоднократное использование форманта *-ятк-* по отношению к детенышам животных. Формант придает образованиям ласкательную семантику: (бел.) *цялятка, парасятка*. В качестве соответствия используются образования с модификационным формантом *-ёнок*.

В третьей главе "**Функциональные особенности эмоционально-экспрессивных образований в разновременных произведениях Янки Купалы и различных переводах на русский язык**", состоящей из трех частей, рассматриваются дополнительные аспекты проблемы.

§1. "Функциональные особенности эмоционально-экспрессивных образований в разных переводах одних и тех же текстов Янки Купалы" посвящен исследованию двух переводов одного стихотворения Янки Купалы и особенностям отображения в них оригинальных эмоционально-экспрессивных форм.

Основные функциональные особенности белорусского эмоционально-экспрессивного образования в русских текстах, как правило, зависят от индивидуальной установки переводчика. Он может быть ориентирован на семантико-стилистическое сближение с подлинником, что выражается в стремлении к адекватной передаче эмоционально-экспрессивных производных образований оригинала. Как правило, другой перевод ориентирован на книжную образность, на сближение с русской поэтической традицией: (бел.) *браткі* – (рус.) *братья/ братья*. Данные установки выражаются как в отображении белорусского производного существительного, так и в контекстном окружении.

В §2. "**Индивидуально-авторское использование эмоционально-экспрессивных форм в некоторых русских переводах текстов Янки Купалы**" рассматриваются особенности отображения эмоционально-экспрессивных образований в зависимости от особенностей авторской манеры наиболее заметных пропагандистов творчества Янки Купалы на русском языке.

Переводы Н.З.Кислика ориентированы на адекватную передачу национального колорита, стилистических и ритмико-интонационных особенностей подлинника, в связи с чем белорусские эмоционально-экспрессивные формы представлены в переводах удачными семантико-стилистическими соответствиями. Русский автор в полной мере осознает ту огромную смысловую нагрузку, которую они несут в белорусских произведениях.

В.А.Рождественский ориентирован на творческое переосмысление белорусских стихотворений. Он адаптирует тексты к русской языковой традиции, в связи с чем зачастую переводит белорусские производные образования одноосновными непроеводными существительными. В переводах не всегда в должной мере передается индивидуально-авторское национально обусловленное своеобразие подлинника.

М.В.Исаковский отображает оригинальные эмоционально-экспрессивные существительные в зависимости от особенностей

конкретного текста. В русских стихотворениях ощущается ориентация автора на адекватную передачу идейной установки белорусского поэта.

А.А.Прокофьев стремится к адекватному отображению семантико-стилистических особенностей белорусских форм. Все изменения, вносимые им в текст, носят необычайно бережный характер.

В §3. *"Эмоционально-экспрессивные существительные в произведениях Янки Купалы, относящихся к разным периодам творчества"* исследуются особенности использования производных эмоционально-экспрессивных форм в произведениях разных лет.

Многие произведения начала века созвучны фольклорной традиции и характеризуются обилием производных эмоционально-экспрессивных образований. Лексический состав данных существительных отображает особенности жизни и быта белорусского крестьянства. Однако по мере активизации контактов с представителями русской литературы язык поэта претерпевает некоторые изменения, ощущается влияние русской языковой традиции. В текстах, прославляющих советскую действительность, производные эмоционально-экспрессивные образования крайне малочисленны.

В *Заключении* излагаются основные выводы по исследованному материалу, обобщаются наблюдения, сделанные в главах диссертации:

1. В белорусском языке, сформировавшемся на народно-диалектной основе, эмоционально-экспрессивные словообразовательные форманты обладают большими по сравнению с русским языком функциональными возможностями.

2. Производных образований с эмоционально-экспрессивными суффиксами в оригинальных текстах в среднем в 2 раза больше, чем в переводах. Исследуемые аффиксы характеризуются большей валентной способностью в белорусских произведениях.

3. Информация, заложенная в образованиях с эмоционально-экспрессивными формантами, необычайно важна для осмысления творчества белорусского поэта, что требует адекватного отображения семантико-стилистических особенностей данных образований в русских текстах.

4. Образования с суффиксами первой ступени являются наиболее распространенными как в белорусских текстах, так и в переводах. Академические характеристики данных формантов не имеют существенных различий в обоих языках, что несколько облегчает задачу достижения адекватности перевода.

5. Суффиксы второй ступени, сформировавшиеся в более поздний исторический период, характеризуются значительно большим расхождением функциональных признаков, чем форманты первой ступени. Различия касаются инвентаря исследуемых аффиксов, характера продуктивности и распространенности совпадающих словообразовательных типов, особенностей их коннотативной реализации, что существенно осложняет задачу переводчика.

6. Эквивалентное отображение белорусских эмоционально-экспрессивных образований при переводе на русский язык может быть достигнуто прежде всего за счет словообразовательных средств. Особое внимание должно быть уделено семантико-стилистическим характеристикам белорусского форманта и поиску наиболее приемлемого ему русского соответствия. Особое внимание должно быть уделено достижению общего стилистического соответствия белорусским текстам.

7. Особенности русского стихотворения зависят от индивидуальной установки переводчика, ориентированного либо на адекватное отображение своеобразия оригинала, либо на передачу авторской идеи с языковой ориентацией на реципиента.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Некоторые замечания по поводу образований с эмоционально-экспрессивным суффиксом *-к-* в языке произведений Янки Купалы и русских переводах // *Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага інстытута імя Н.К.Крупскай*. – Мазыр, 2000. – №3. – С. 84-87.

2. Славянизмы языка Пушкина в переводе Янки Купалы (на материале поэмы "Медный Всадник") // *Пушкинские чтения: Материалы юбилейной конференции (2 июня 1999г.)*. – М.: Гос. ин-т русского языка им. А.С.Пушкина, 2000. – С.72-74.

3. Особенности отображения эмоционально-экспрессивных субстантивов с суффиксами второй ступени в русских переводах поэзии Янки Купалы // *Белорусская начальная школа: Проблемы и*

перспективы развития: Сборник материалов международной научно-практической конференции: В 2-х ч. – Мозырь, 2000. – Ч.1. – С.165-168.

4. Лингво-стилистические особенности наименований лица в переводе Янки Купалы поэмы А.С.Пушкина "Медный Всадник" // Текст 2000. Теория и практика. Междисциплинарные подходы. – Ижевск: Изд-во УдГУ, 2000. (В печати).

A handwritten signature in black ink, appearing to be 'Гресь', written in a cursive style.

200

Подписано в печать 03.11.2000 г.

Усл. печ. л. 1,25. Тираж 100 экз.

Отпечатано в издательском комплексе
Управления международных связей КГУ